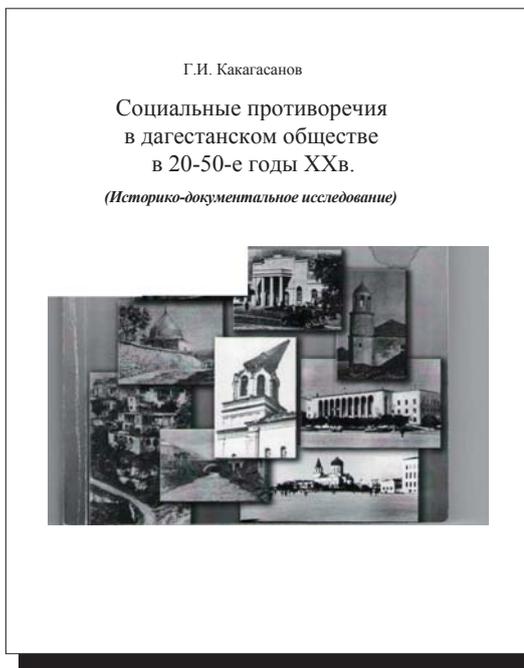

Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в.

Рецензия на монографию Г.И. Какагасанова «Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в. (историко-документальное исследование)». – Махачкала, 2010. 240 с.

Среди большого количества исследовательских проблем, представляющих научный интерес общероссийского и регионального значения, в настоящее время особую актуальность приобретает осмысление сущности и характера национальной политики советского государства в одном из важнейших его регионов – на Северном Кавказе, так как здесь видятся причины социальной, политической, межнациональной нестабильности, наблюдаемых в современном обществе. Одним из таких регионов является Дагестан, представляющий собой переплетение множества народностей, различных течений вероисповедания (не всегда толерантных) и т. д., неизбежно приводящих к противоречиям, в том числе – к социальным.

Надо отметить, что изучение исторического опыта советского строительства 30–50-х гг. на протяжении многих лет было важным направлением советской историографии. Этой проблеме было посвящено много публикаций и монографий. К числу последних относится и рецензируемая книга, освещающая «вопросы организации и проведения коллективизации сельского хозяйства в Дагестане», написанная на основе богатейшего фактического материала и заслуживающая, на наш взгляд, пристального внимания. В ней рассматриваются факты принудительных хлебозаготовок, этапы раскулачивания и выселения кулачества республики за пределы Северо-Кавказского края и их последствия. В специальных главах освещены вопросы взаимоотношений власти и интеллигенции, государственно-конфессиональных отношений, репрессии против научных, творческих работников, мусульманского духовенства, уничтожения культурного наследия и культовых сооружений в республике. В работе не обойдены вниманием и вопросы реабилитации жертв политических репрессий в Дагестане. В качестве приложения

даны наиболее значимые документы, относящиеся к теме исследования.

Рецензируемая монография состоит из четырех глав и пяти параграфов. Во введении автор обозначил основные проблемы исследования, методологические подходы к ее изучению, а также подверг анализу историографию, касающуюся рассматриваемой темы.

В первой главе Г.И. Какагасанов рассматривает социально-экономическую и политическую ситуацию в дагестанской деревне накануне и в период проведения коллективизации. По мнению автора, большинство колхозов были созданы в результате административного нажима и насилия, угрозой выселения и репрессий. Ответной реакцией крестьян на эти акты было вооруженное сопротивление. Уже в январе 1930 г. ОГПУ СССР зарегистрировало по стране 400 массовых выступлений, в феврале – 1 048, в марте – 6 528. Всего же по СССР по данным ОГПУ было 13 755 массовых выступлений с участием почти 2,5 млн человек (с. 32). Г. И. Какагасанов усматривает ошибки, перегибы в проведении мероприятий по коллективизации и раскулачиванию, когда под категорию раскулачиваемых попадали целые группы бедняков, середняков, бывших красных партизан, семей красноармейцев. Без соответствующих доказательств и оформления документов людей лишали избирательных прав, допускались издевательства, оскорбления. Семьи с малолетними детьми раскулаченных выгоняли ночью на улицу, отбирали все домашнее имущество, которое в большинстве случаев четко не учитывалось и, как правило, разбазаривалось (с. 35). Автор констатирует, что с начала раскулачивания в деревне начался активный процесс контрреволюционной деятельности кулачества, которая приняла резкие и разносторонние формы (пожogi, террористические акты, массовые выступления против коллективизации и хлебозаготовок). Массовые выступления происходили в Курахском, Табасаранском, Касумкентском,

Ахтынском, Рутульском и Лакском районах. По данным Дагестанского отдела ОГПУ, в этих районах с 26 по 28 апреля 1930 г. действовали от 200 до 600 бандгруппировок (с. 38). По мнению Г. И. Какагасанова, значительная часть колхозов в Дагестане по формам и методам ведения хозяйства нельзя было назвать колхозами: в лучшем случае они были «товариществами по совместной обработке земли», а в худшем – «объединенными мелкими крестьянскими хозяйствами для получения всевозможных ссуд от кооперативных и государственных организаций» или индивидуальными хозяйствами, названными автором «лжеколхозами» (с. 51). В существующие колхозы умудрялись проникнуть кулаки, представители духовенства, но в основе же колхозы в Дагестане росли за счет бедняков, батраков, при незначительном количестве середняков. К осени 1930 г. в Дагестане было образовано 373 колхоза, охвативших 5 606 хозяйств. Колхозы обслуживали всего 11 агрономов, находящихся в восьми районах (Ачикулакском, Буйнакском, Дербентском, Касумкентском, Кизлярском, Лакском, Левашинском и Хасавюртовском). Во всех 373 колхозах республики работали 111 тракторов, 90 сеялок, 663 плуга, 621 борона (с. 52). Автор приводит отрывок из докладной записки Дагестанского ОГПУ «О коллективизации крестьянских хозяйств в Дагестанской АССР», по которой «в республике отмечается засоренность колхозов социально-чуждыми и негодными работниками, наличие у отдельных колхозов индивидуального хозяйства, невнимательное отношение со стороны сельских партийных организаций, в том числе и секретарей ячеек, невнимательное и безразличное отношение к колхозам и колхозникам, в нежелании идти в колхозы отдельных коммунистов и на этом фоне разложившиеся отношения среди крестьян, особенно середняков, заявляя: «раз коммунисты не идут в колхозы, нам не нужно идти тем более» (с. 52).

Во второй главе рассматриваются особенности организации и проведения сплошной коллективизации в Дагестане и ее последствия. Автор констатирует увеличение числа коллективных хозяйств в Дагестане с ноября 1930 г., объясняя это явление следующими причинами: а) очищением партийно-советского аппарата в руководстве партийным движением от противников коллективизации, особенно после партийной чистки 1929 г.; б) кредитованием, выдачей авансов (деньгами и продовольствием) коллективным хозяйствам, занимающимся выращиванием технических культур (хлопок, кенаф); в) предоставлением крупным коллективным хозяйствам на выгодных условиях тракторов и другой сельскохозяйственной техники; г) изъятием органами ОГПУ антисоветских и антиколхозных группировок, срывавших мероприятия советской власти по колхозному строительству, особенно по Хасавюртовскому району.

В случае перехода крестьян на сплошную коллективизацию партийные и советские работники в своих агитационно-массовых мероприятиях обещали крестьянам большую государственную помощь и поддержку. Так, руководители Буйнакского района после перехода ряда селений на сплошную коллективизацию в своих заявках, адресованных республиканским органам, обещали для 17 колхозов 160 автомобилей, в среднем по 9 автомобилей на каждое хозяйство, постройку домов на 4 000 человек, скотных дворов, конюшен, и все это за счет государства. По мнению автора, такие щедрые обещания и агитация совпартработников в пользу сплошной коллективизации способствовали насаждению иждивенческих настроений среди крестьян и повышенных требований к государству. Они были на руку и кулацко-мульским элементам, которые знали, что государство не в состоянии будет обеспечить крестьян всем необходимым и таким образом крестьяне сами откажутся от вступления в колхоз. В феврале 1935 г. в связи с непрекращавшимися актами сопротивления кулачества мероприятиям советской власти в области коллективизации сельского хозяйства был подписан приказ начальника НКВД СССР по Северо-Кавказскому краю «О переселении кулацких хозяйств из национальных областей за пределы Северо-Кавказского края» (с. 65). Г. И. Какагасанов приводит факты, говорящие о положительном для процесса коллективизации результате выселения кулачества за пределы республики: с марта 1935 г. наметился значительный прилив единоличников в колхозы и создание новых колхозов. В Хасавюртовском районе вступили в колхозы 224 хозяйства, в Кайтагском – 79, Махачкалинском – 50, Дербентском – 100, а в селении Дарваг этого же района был создан колхоз с 316 хозяйствами (с. 66).

Третья глава монографии Г. И. Какагасанова посвящена отношениям власти и интеллигенции Дагестана в 30–50-е и 50-е гг. XX в. Надо отметить, что в последнее десятилетие XX в. и в первое десятилетие XXI в. наблюдается значительное повышение интереса читателя к отечественной истории 30–50-х гг. Это связано с тем, что многие факты и события, относящиеся к репрессиям перечисленных периодов, не получили полного освещения в советской исторической литературе по причине отсутствия доступа исследователей к закрытым фондам партийных, советских органов и учреждений, спецхранам библиотек. Нельзя было объективно осветить даже известные события и факты, если они не соответствовали доминирующей идеологии. Освещение любого события в отечественной истории периода с 1917 г. невозможно было вне связи с деятельностью руководящих партийных органов от Центрального Комитета до первичных партийных организаций. Все это, по справедливо-

му замечанию Г. И. Какагасанова, отрицательно отражалось на развитии исторической науки в стране.

После преобразования партийных архивов в центры хранения документов новейшей истории, потом их преобразования в архивы социально-политической истории (ЦПА ИМЛ был переименован в РГАС ПИ), а также слияния некоторых из них (например, в Республике Дагестан) с государственными архивами (1991 г.), открытия доступа к отдельным закрытым архивным фондам и спецхранам библиотек, исследователи получили простор для научных изысканий по отечественной истории, что позволило пересмотреть устаревшие догмы, заново осмыслить многие факты и события прошлого, в том числе и в вопросе о судьбе интеллигенции, стоявшей у руля советской власти в регионах.

О масштабах репрессий 30-х гг. по всей стране можно судить по публикациям за рубежом и в нашей стране в различных изданиях. Однако, утверждает Г.И. Какагасанов, сведения в одних публикациях несколько преувеличены, в других – преуменьшены. По его подсчетам, за период с 1939 по 1943 гг. было исключено из партии (многие из них арестованы и посажены в тюрьмы, отдельные расстреляны) около половины состава всей областной партийной организации. За три года (1937–1939 гг.) по существу был уничтожен весь цвет национальной интеллигенции Дагестана, сотни партийных, советских и хозяйственных работников, активных борцов за установление советской власти и построение фундамента социализма в республике. После XX съезда партии (февраль 1956 г.) были реабилитированы в партийном порядке люди, твердо отстаивавшие позиции Коммунистической партии и Советского государства, способствовавшие строительству социализма в Дагестане, попавшие, однако, в те страшные годы в списки «врагов народа» (Н. Самурский, М. Далгат, К. Мамедбеков, Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи, А. Атаев, Ю. Шовкринский, Б. Астемиров и др.)

О масштабах репрессий говорят следующие цифры по стране, приведенные автором: в 1943–1952 гг. было арестовано 2 828 649 человек, из которых расстреляно 748 156 человек (26,5 %) (с. 202). В выступлении председателя Верховного суда ДАССР Г. Гусейнова на партийной конференции отмечалось, что за 1939 г. «Верховным судом было рассмотрено 3 492 дела, из которых решения судов первой инстанции были оставлены в силе в 3 323 случаях, или 71,8 %, и только по 1377 уголовным делам, или 28,2 %, приговоры народным судом были отменены. Дел о государственных контрреволюционных преступлениях за этот же период спецколлегией Верховного суда ДАССР было рассмотрено – 430, из них 115, или 26,7 %, было возвращено на доследование, по остальным 315 делам, или 73,3 %, преступники были осуждены на сроки от

5 до 10 лет и несколько преступников к высшей мере наказания – расстрелу» (с. 124).

В четвертой главе «Государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в 20–30-е гг. XX в.» Г.И. Какагасанов рассматривает следующие вопросы: а) взаимоотношения власти и духовенства в Дагестане в 20–30-е гг. XX в.; б) организация и деятельность шариатских судов и Союза воинствующих безбожников в республике; в) религиозная и антирелигиозная пропаганда и агитация в Дагестане в 20–30-е гг. XX в.; г) репрессивные акты Советской власти против мусульманского духовенства в республике; д) государственно-конфессиональные отношения в Дагестане в 40–50-е гг. XX в.

Автор отмечает, что в дореволюционном Дагестане с населением менее одного миллиона человек насчитывалось 1 720 мечетей, 356 Джума-мечетей, 22 православные церкви, 26 синагог и более сорока тысяч служителей культа. Большое распространение получили религиозные школы (766 – при мечетях, 84 – при православных церквях, 21 – при еврейских синагогах). Особенно велико было влияние мусульманского духовенства, которое пыталось использовать религию в своих политических целях. Духовенство было неоднородно. В его составе находились представители всех слоев населения. Поэтому политические ориентации в связи с изменившейся политической обстановкой в стране у них были разные. Значительная часть духовенства Дагестана, находясь на стороне контрреволюционных сил, поддерживала буржуазные партии и правительства, белогвардейских генералов Врангеля и Деникина, иностранных интервентов Англии, Турции, Германии и Японии, выступала против мероприятий Советской власти внутри республики. Положение еще осложнялось и тяжелыми последствиями колонизаторской политики царизма в Дагестане в XIX и в начале XX вв., породившей не только ненависть к самодержавию, но и русскому православию. После победы Советской власти в Дагестане мусульманское духовенство не могло смириться с мыслью о потере своих прежних позиций. Поэтому вся борьба шла под лозунгом защиты религиозных устоев.

В то же время в Дагестане наблюдалось оживление воинствующего религиозного течения – мюридизма, пронизанного идеей исламского теократического управления, лозунгом которой служил джихад (газават) – реакционная идея «священной» войны против «неверных», направленная на разжигание вражды по отношению ко всему русскому, способствовавшая нагнетанию религиозной нетерпимости в сознании и в поведении горцев-мусульман. Своей главной задачей, до сих пор витающей в головах и умах определенной части мусульманского духовенства Северного Кавказа, идеологи мюридизма считали создание исламского государства на

территории Северного Кавказа. Г.И. Какагасанов напоминает, что такую попытку создания Северо-Кавказского эмирата в 1919–1920 гг. сделал известный политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни Узун-Хаджи Салтинский. Такая же попытка создания объединенного исламского халифата на территории Дагестана и Чечни была сделана в августе-сентябре 1999 г. исламистами.

Конечно же, руководство республики 20-х гг. не рассчитывало на то, чтобы горцы, веками находившиеся под влиянием религии ислама, встретят Советскую власть благожелательно. Поэтому ЦК РКП(б), В.И. Ленин в своих письмах и телеграммах руководителям республики при проведении политики Советской власти обращали особое внимание на особенности республики, требовали учитывать национальный состав населения, его религиозность. При этом предлагалось соблюдать осторожность и проявлять максимум доброжелательности и уступчивости к мусульманам, крестьянству и интеллигенции, при вступлении в Дагестан «не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917–1921 гг.», указывал В. И. Ленин в известном письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики» от 14 апреля 1921 г. (с. 137).

Однако все эти меры не помогли. Антисоветскими проповедями в мечетях, при проведении мавлидов и зикров, а также в других местах совершения массовых религиозных обрядов, путем распространения слухов о скорой войне и гибели Советского государства, намерении большевиков крестить всех мусульман путем создания кресткомов, шейхи, муллы, кадии провоцировали недовольство среди верующих, призывали их к выступлениям против мероприятий Советской власти, организовали убийства партийных и советских работников, поджоги колхозного имущества (с. 138).

Реакция Советской власти была адекватной. Так, в результате антирелигиозной пятилетки (1932–1937) из более чем 2 000 религиозных объединений (мечетей), церквей, синагог, существовавших к 1917 г. в Дагестане, к 1 января 1936 г. было закрыто более 50 % всех религиозных (культурных) зданий (с. 142). В начале 1929 г. партийным органам был разослан циркуляр ЦИК СССР «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Вскоре был создан Союз воинствующих безбожников. Организация имела свой Центральный Совет, куда входили известные деятели большевистской партии: П.А. Красиков, И.И. Скворцов-Степанов, П.Г. Смидович. Выходили газета «Безбожник» и журналы «Антирелигиозник», «Атеист». Союзы безбожников действовали в основном в крупных городах и районных центрах. Например, в Буйнакской организации, действовавшей с мая

1929 г., числилось около 1 000 членов. Союз безбожников кроме своей основной деятельности – проведения антирелигиозной работы, проводил и кампанию по закрытию мечетей, церквей, синагог, при этом Союз зачастую превышал свои полномочия. Тот же Буйнакский союз воинствующих безбожников проводил кампанию по закрытию русского собора, причем подписи за закрытие собирали среди мусульманской части населения, горских евреев, устанавливали контрольные цифры вербовки членов и т. д.

В целом автор считает, что распространение естественнонаучных знаний, ликвидация неграмотности среди населения позитивно влияли на развитие культуры и образования в республике. Однако идеализированный подход партийных органов в вопросах духовного развития общества ужесточил, по мнению Г.И. Какагасанова, социально-психологическую атмосферу, проводил линию раздела людей на верующих и атеистов. Верующие и духовенство оказались в роли людей, не способных принять новые порядки и законы государства. Прямое отрицание религии оборачивалось расшатыванием духовно-нравственных устоев, моральной дезориентацией общества.

Во время Великой Отечественной войны (1941–1945) под влиянием многих факторов, в том числе поддержки религиозными деятелями Советского Союза, Красной Армии, пропаганды патриотизма и дружбы народов, органы Советской власти вынуждены были пойти на некоторые уступки религии. Было открыто несколько мечетей, учреждены муфтиаты, допущена была контролируемая религиозная деятельность населения. На весь Дагестан было открыто 28 мечетей, и они оставались действующими вплоть до 1991 г. На наш взгляд, весьма интересны факты, приводимые автором, о действиях немецкого командования, которое, в свою очередь, активно старалось расколоть северокавказские народы, настроить их против Советской власти и командования Красной Армии. С этой целью оно объявляло себя приверженцем мусульманских традиций и обычаев. Командующий 1-й танковой армией Гитлера генерал Макензен объявил себя мусульманином, приняв ислам, а Гитлера возвели в ранг «имама всего Кавказа» (с. 191).

В заключительной части монографии Г.И. Какагасанов рассматривает вопросы реабилитации жертв политических репрессий 20–30-х гг. XX в. Отрадно было узнать, что начиная с 2005 г. в отделе по изучению и публикации исторических источников Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН ведется подготовка и издание документов и материалов по реабилитации жертв политических репрессий 20–50-х гг. XX в. в Дагестане.

*В.Д. Дзидзоев, д.и.н., профессор;
М.М. Бетева, к.и.н., доцент.*